

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**12.00.00 LAW SCIENCES**УДК 349.6
ББК 67.404.2Anisimov Alexey Pavlovich,
doctor of law, professor,
professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: anisimovap@mail.ruАнисимов Алексей Павлович,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: anisimovap@mail.ru**«ДИКАЯ ПРИРОДА» КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ****«WILD NATURE» AS A LEGAL CATEGORY: ISSUES FOR DISCUSSION**12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 – Land law; natural resources law; ecological law; agrarian law

В статье аргументируется необходимость дополнения российского экологического законодательства новой правовой категорией «дикая природа». Автор исследует опыт США, где данная правовая категория давно сформировалась и достаточно эффективно используется, анализирует возникающие проблемы и пути их решения. Данная категория может быть применена для охраны речных островов, заняв промежуточное место между территориями с общим и особым режимом охраны (заповедники и т.д.). В настоящий момент экологическое право России использует лишь категорию «естественные экологические системы», однако «дикая природа» — это совокупность естественных экологических систем, управленческая категория, позволяющая принимать меры по охране таких экосистем, не связанных друг с другом.

The article justifies the need of adding the new legal category «wild nature» in the Russian ecological legislation. The author investigates experience of the USA where this legal category was established long ago and is used rather effectively; analyzes the arising problems and the ways of their resolution. This category can be applied for protection of river islands, having taken the intermediate position between the territories of general and specific mode of protection (reserves, etc.). Currently, the ecological law of Russia uses only the category «natural ecological systems»; however, «the wild nature» is a set of natural ecological systems, the administrative category allowing taking measures for protection of such ecosystems which are not connected with each other.

Ключевые слова: дикая природа, заповедник, национальный парк, запреты, ограничения, острова, естественные экосистемы, вода, орган управления, ландшафт.

Keywords: wildlife, nature reserve, national park, prohibitions, restrictions, islands, natural ecosystems, water, management body, landscape.

Введение

В Российской Федерации категория «дикая природа» имеет широкое распространение на обыденном уровне,

однако в экологическом законодательстве практически не упоминается. Исключением из этого правила является охрана объектов дикой природы, попавших под действие международных соглашений. Например, предметом такого преступления, как контрабанда образцов дикой природы [1], в научной литературе называются «...животные и растения, их части и дериваты, которые незаконным путем (браконьерство) были изъяты из дикой природы (курсив мой. — А. А.) с целью нелегального перемещения через таможенную границу для последующей продажи» [2]. Однако в этом случае возникает вопрос: животные как объект дикой природы с точки зрения международного и российского права существуют, но какой эколого-правовой статус имеют территории, где обитают такие животные?

Данная проблема в российской науке экологического права практически не изучена. **Актуальность и целесообразность** ее исследования заключается в необходимости повышения гарантий сохранения ценных и уникальных экологических систем, не подпадающих под режим особой охраны (то есть не признанных в установленном порядке заповедниками, заказниками и т. д.). **Научная новизна** статьи заключается в том, что в ней впервые был поставлен вопрос о формировании новой категории российского экологического права, аналогов которых не было в СССР и нет во многих других современных государствах мира. Между тем опыт США отчасти мог бы быть полезен при формулировании содержательной части данной правовой категории. **Цель** исследования — выявить содержание и юридическую природу «участков дикой природы» — новой эколого-правовой категории, предлагаемой автором.

Основная часть

Для достижения данной цели нам необходимо обратиться к анализу российского законодательства и эколого-правовой доктрины. В настоящий момент российское законодательство четко различает два вида территорий. Первые имеют обычный эколого-правовой статус (большая часть территории России). На них распространяются общие требования земельного, экологического и иного законодательства, регламентирующие их охрану. Вторые имеют особый эколого-правовой статус (и режим особой охраны),

который может быть двух видов: для уникальных и ценных природных комплексов — это статус особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ); для деградированных экологических систем — это статус зоны экологического бедствия (в настоящий момент он пока четко не определен в законодательстве).

Соответственно, большая часть ООПТ изъята или ограничена в гражданском обороте, и в отношении таких земель установлен режим ограничений и запретов хозяйственной, рекреационной и иной деятельности человека, которая может причинить вред охраняемым природным комплексам.

Между тем кроме ООПТ отдельные особые меры охраны предусмотрены и для других ценных и уникальных природных территорий, которые не являются заповедниками, заказниками или иными видами ООПТ, однако правовой режим их территорий отличается от территорий с общим (обычным) режимом природопользования. Такие территории занимают промежуточное положение между обычными и особо охраняемыми природными территориями. Например, такой статус предусмотрен для водно-болотных угодий, обладающих повышенной экологической уязвимостью, однако их ценность недостаточна для придания им статуса особо охраняемой природной территории [3]. Специфика охраны таких «промежуточных» территорий в научной литературе достаточно хорошо исследована на примере степей, гор, Арктики, островов, исконной среды обитания и территорий традиционного природопользования и т. д. Суть же проблемы заключается в том, что указанные территории нельзя признать ООПТ (хотя бы потому, что они занимают слишком большую площадь и не всегда подпадают под стандарты ООПТ), в то время как объективно требуется принятие мер по их дополнительной охране. Из этого следует, что в настоящий момент де-факто существуют как сложно структурированная система территорий с законодательно закрепленным правовым режимом особой охраны (заповедники, национальные парки, заказники и т. д.), так и не менее сложная (хотя и не столь четко урегулированная законодательно) совокупность территорий с отдельными элементами особого режима охраны (защитные леса, Красная книга почв, водоохранные зоны, водно-болотные угодья и т. д.). Отличия между указанными правовыми режимами заключаются в различном наборе и содержании ограничений и запретов, которые адресованы как правообладателям соответствующих земельных участков (или их соседям), так и неопределенному кругу лиц [4].

Представляется, что перечень таких территорий, занимающих промежуточное положение между территориями с общим и особым правовым режимом, должен быть дополнен еще одной правовой категорией, которую можно обозначить как «участки дикой природы». Аргументирую этот вывод.

Наиболее наглядно необходимость закрепления правового статуса «участок дикой природы» видна на примере островов реки Волги. Как отмечалось в научной литературе, островные экосистемы, ввиду их специфичности, являются наименее изученными природно-антропогенными образованиями.

Они функционируют в режиме географической изоляции и являются природными резерватами генофонда растительного и животного мира. Острова и их мелководные зоны, покрытые зарослями водной растительности, играют важную роль в самоочищении водоема от загрязняющих веществ. В хозяйственном отношении острова — это высокопродуктивные природные комплексы, перспективные

для потребительских и рекреационных нужд населения. При этом хозяйственное использование островов ограничено. Это обусловлено тем, что все незатопленные (сухопутные) участки акватории не поставлены на кадастровый учет и фактически не имеют правовой защиты.

Возникающие по поводу их проблемы обусловлены в первую очередь их неопределенным правовым статусом, что наиболее наглядно видно на островах, занятых садоводами и дачниками. При этом научное обоснование роли островов в экосистеме рек и водохранилищ хорошо проработано, чего нельзя сказать о законодательной базе. При анализе нормативных правовых актов и научной литературы, касающейся речных островных территорий, можно обнаружить широкий перечень проблем, требующих обсуждения и решения [5].

Такое обсуждение необходимо еще и потому, что ряд островов и прилегающих к ним мелководий включен в список водно-болотных угодий, находящихся под охраной Рамсарской конвенции (1971). Так, на островах Куйбышевского водохранилища воспроизводится около 40 % водоплавающей дичи, поэтому они требуют особого режима использования и охраны. Неопределенный правовой статус островов ведет к тому, что их биологические ресурсы используются бесконтрольно, что отрицательно отражается как на островных, так и на водных экосистемах. Еще больший вред причиняет произвольно осуществляемая хозяйственная деятельность (включая строительство) на островах рек и водохранилищ: иногда протяженность островов превышает километр, и на них располагаются населенные пункты. Острова не рассматриваются в качестве самостоятельных объектов использования и охраны ни в одной из отраслей законодательства (земельного, водного, экологического). Земли островов используются для сенокосения, пастбы скота, размещения промышленных объектов (отстойники сточных вод), для индивидуального жилищного строительства, а также предоставляются для ведения садоводства и дачного хозяйства.

Некоторые острова имеют правовой статус ООПТ (например, заказников) с введением ограничений или запретов на осуществление отдельных видов деятельности (например, система островов в Свияжском природном заказнике), однако это скорее исключение, чем правило. Следует признать приоритетной задачу отнесения земель наиболее крупных и ценных островов к землям ООПТ, что позволит ограничить на них экологически вредную хозяйственную деятельность.

В правовой охране островов показателен опыт США. Основным элементом правового режима островов округа Грин-Хил (г. Южный Кингстон, штат Род-Айленд) является запрет на использование данных территорий для любых целей. Это требование закона поставило вопрос о нарушении конституционных запретов и скрытом отчуждении частной собственности в пользу государства. Однако суды пришли к выводу о том, что если речь идет о запрете использования территорий для борьбы с наводнениями, то данный запрет не противоречит Конституции.

Правовые акты органов местного самоуправления США также часто предусматривают ряд запретов на использование островов либо значительно ограничивают такое использование. Например, ордонанс Южного Кингстона запрещает жилищное строительство на островах, указывая на то, что острова не годятся для капитального строительства из-за их физических характеристик. Все большее распространение получают ордонансы, аналогичные принятым в Южном Кингстоне, Санибел-Айленд (штат Флорида)

или Вирджиния-Бич (штат Вирджиния), в которых предусмотрены меры по охране растительности на островах и содержатся требования о запрете строительства недвижимости вдоль береговой линии.

Не менее интересен и российский опыт, когда для островов Куйбышевского водохранилища была разработана специальная форма экологического паспорта. В таком паспорте островов имеется правовой блок (целевое назначение; разрешенное использование земель; перечень природных объектов, требующих особой охраны), географический (местонахождение, площадь, высота над нормальным подпорным уровнем, удаленность от берегов) и мониторинговый блок (качественные и количественные параметры биотических и абиотических элементов экосистемы на определенный момент времени). Думается, что следует узаконить практику ведения таких экологических паспортов на всей территории России [6].

Это обусловлено тем, что сегодня ландшафты островов в различной степени изменены антропогенной деятельностью, иногда очень сильно. Например, если посмотреть на острова в границах г. Волгограда, то можно обнаружить, что остров Зеленый является урбанизированной территорией, занятой дачными и индивидуальными домами. Он практически слился с г. Волжским и вошел в его границы. Остров Крит соединен автомобильным мостом с Центральным районом г. Волгограда и г. Краснослободском и, в силу увеличившейся транспортной доступности, стал лесопарковой и пляжной зоной. Санитарное состояние острова в настоящее время выглядит крайне неудовлетворительно и требует значительного объема работ по его благоустройству. Ландшафты южной части о. Голодный, длина которого составляет 6,5 км, а ширина 2,5 км, изменены промышленным строительством. Здесь находятся очистные сооружения, принимающие фекально-хозяйственные стоки шести из восьми административных районов г. Волгограда. В настоящее время они находятся в аварийном состоянии, и огромные объемы нечистот сливаются непосредственно в Волгу. Существует ряд проектов реконструкции очистных сооружений с одновременным строительством на острове малой ГЭС [7].

Наряду с проблемами освоенных островов только на одной реке Волге существуют проблемы сотни больших и малых островов, значительно меньше пострадавших от антропогенной деятельности человека. Далеко не все они поставлены на кадастровый учет и юридически существуют, однако требуют установления режима охраны уникальных островных экосистем. Представляется, что именно на них в первую очередь должен быть распространен режим охраны участков дикой природы, давно существующий в практике США.

После нескольких десятилетий дискуссий в 1964 году Конгресс США принял Wilderness Act (Закон о дикой природе), создав Национальную систему сохранения дикой природы и закрепив за Лесной службой 9,1 млн акров федеральных земель, попавших под действие данного закона. Впоследствии специально уполномоченные органы провели инвентаризацию земель, и по решению Конгресса США еще 100 млн акров земель были признаны дикой природой. Первоначально сторонники дикой природы считали первоочередным защитить эти земли от «ненужного дорожного строительства» в целях сохранения их естественного состояния. Закон о дикой природе указывал, что его целью является обеспечить для нынешних и будущих поколений американцев возможность пользоваться ресурсами дикой природы, сохраненными в их естественном состоянии. Закон определял,

что «территории дикой природы» могут быть признаны таковыми только посредством принятия нормативных актов Конгрессом. Согласно данному закону участок федеральных неиспользуемых земель может быть обозначен как дикая природа, если это: 1) естественный участок по внешнему виду (то есть он находится в естественном состоянии, и следов человеческой деятельности на нем практически незаметно); 2) он создает возможность для уединения и примитивного неограниченного отдыха; 3) его площадь больше 5 000 акров, что должно позволить организовать на нем реальное управление для его сохранения в первозданном виде; и 4) он имеет (может иметь) экологическую, геологическую, научную, образовательную, эстетическую или историческую ценность.

На обозначенных в решениях Конгресса территориях дикой природы был установлен ряд запретов. Так, Закон запрещает там коммерческую деятельность (например, лесозаготовки), доступ к таким участкам автомобильного транспорта, строительство дорог и иных сооружений. Кроме того, на участках дикой природы запрещено использование моторных транспортных средств (включая моторные лодки), приземление самолетов и т. д. [8].

Из этого общего правила устанавливается и ряд исключений, связанных с действиями властей в чрезвычайных ситуациях, необходимостью обеспечения здоровья и безопасности, борьбой с болезнями и вредителями и т. д.

В последующем, по мере применения норм данного закона, стали возникать различные проблемы по поводу его толкования, повлекшие судебные споры. Так, орган управления дикой природой разрешил одной волонтерской организации разводить рыбу в границах дикой местности (якобы в интересах охраны дикой природы, а на самом деле в целях развития коммерческого рыболовства, осуществляемого за границами территории дикой природы). В другом случае орган управления разрешил использование выючных животных в дикой местности, хотя в некоторых случаях выючные животные могут причинить экологический вред экосистемам дикой природы. Из этого вытекает закономерный вопрос о том, необходимы ли такие действия для надлежащей реализации рекреационных целей на участках дикой природы? Еще один вопрос в том, каковы возможности органов экологического управления использовать автотранспортные средства в границах дикой местности в ходе своей деятельности? Наконец, последний вопрос в том, как разрешать коллизии законов, регламентирующих правовой статус дикой местности и охраны памятников истории, или закона о дикой природе и закона о лесах [9]?

Не менее сложные вопросы в ходе управления участками дикой природы возникли в результате использования вертолетов (что обычно запрещено в дикой местности) для отлова серых волков, а также использования химикатов, чтобы уничтожить определенные виды форели, вытесняющей традиционные для этой дикой местности виды форели. В каждом из этих случаев восстанавливаемая разновидность была расценена как уроженец этих мест, важный для поддержания ее в естественном состоянии вид. Именно так орган управления дикой природой оправдывал свое вмешательство в естественные экологические процессы [10], что, однако, оставляет место для сомнений.

Еще более актуальные вопросы возникают относительно перспектив существования дикой природы. Как уже отмечалось выше, Конгресс США определял дикую природу как территорию, где состояние естественных экологических систем не нарушено человеком, а сам человек является посетителем, но не живет там (в противоположность территориям,

где человек и плоды его труда доминируют над пейзажем). Однако в последнее время научное сообщество все чаще задается вопросом о том, что делать с вызванными человеком глобальными изменениями в природе, такими как изменение климата или потеря животными и растениями привычной среды обитания. Например, как охранять дикую природу Аляски, если в результате изменения климата поднимется уровень моря, а ее льды растают [11]? Как охранять дикую природу островов, если вследствие изменений климата и поднятия уровня мирового океана они скроются под водой? Как охранять дикие виды животных и растений, которые не могут приспособиться к изменениям климата, сделавших привычные места обитания более жаркими и засушливыми?

Ответы на эти вопросы еще только предстоит найти. Отчасти таким ответом является разрабатываемая в научной доктрине и законодательстве США правовая категория «потенциальные участки дикой природы», которая охватывает земли, которые окружены или являются смежными с землями, отнесенными к числу участков дикой местности, но которые не могут претендовать на такое обозначение из-за временного или постоянного несоответствия указанным в законе критериям. Такие земли могут быть в будущем обозначены как дикая местность, когда такое несоответствие будет устранено. И хотя Закон о дикой природе не содержит упоминаний «потенциально дикая природа», Конгресс уже официально использует данный термин, равно как и федеральное землеустроительное агентство, часто упоминающее «потенциально дикая местность», оценивая состояние дикой природы и предоставляя рекомендации Конгрессу. Однако только Конгресс может сделать заключительный шаг по фактическому признанию территории дикой природой [12].

Все эти вопросы предстоит решать и в России, если рассматриваемая правовая категория будет воспринята российским законодателем. При этом, так же как и в США, участки дикой природы в России могут выступать резервом для создания национальных парков и других категорий ООПТ [13]. В настоящий момент потенциальные участки дикой природы находятся в так называемой неразграниченной государственной собственности, и потому могут быть резервом ООПТ как федерального, так и регионального уровня.

Наиболее логичным представляется размещение категории «участки дикой природы» между территориями с обычным и особым эколого-правовым режимом. Одним из претендентов на такой статус могут стать острова бассейна реки Волги, многих из которых сейчас даже нет на публичной кадастровой карте. На сегодняшний день уникальные островные экосистемы приписаны к разным категориям земель, однако все они обладают набором уникальных черт, требующих повышенных мер охраны. Признать их все заповедниками или иными категориями ООПТ нет оснований и финансовой возможности. Поэтому речь в данном случае должна идти об установлении ряда запретов, включая причаливание маломерных судов, разжигание костров, осуществление охоты и рыболовства, разорение птичьих гнезд, сбор грибов и ягод, рубку леса, покос травы, а главное, — запрет на их приватизацию, поскольку уже существует достаточно

прецедентов по передаче (или таким попыткам) островов (или их частей) в частную собственность [14]. В последнем случае речь не идет о крупных освоенных человеком островах (весь г. Санкт-Петербург — это совокупность островов), а только о тех, где сохранились естественные уникальные экосистемы, требующие дополнительной защиты.

Принципиальные отличия предлагаемой новой правовой категории экологического права от классических ООПТ состоят в том, что существование всех категорий ООПТ поддерживается за счет бюджетных средств (федеральных, региональных, местных); предполагает систему запретов и ограничений хозяйственной, рекреационной и иной деятельности человека; в ряде ООПТ имеется специальный штат государственных инспекторов, осуществляющих охрану этой территории; во всех видах ООПТ проводятся научные исследования (например, ведение Летописи природы в заповедниках). В отличие от ООПТ в границах участков дикой природы будет действовать только система запретов и ограничений. Надзор за соблюдением экологического законодательства должны будут осуществлять органы государственного экологического надзора субъектов РФ, что потребует расширения их штатной численности. Специальных научных исследований на участках дикой природы не будет проводиться ввиду отсутствия специального органа управления (не будет создано аналогии Дирекции заповедника или иной ООПТ).

В идеале, для включения правовой конструкции «дикая природа» в российское экологическое законодательство, было бы достаточно принятия специального нормативно-правового акта на уровне субъекта Российской Федерации, который бы в комплексе урегулировал отношения по режиму ограничений и запретов на островах (например, в границах Волгоградской области), установил бы перечень видов разрешенного использования островных земель, требования по охране уникальных островных экосистем. Однако, в условиях усиления вертикали власти, принятие подобного регионального акта совершенно невозможно.

Выводы и заключение

Несомненно, движение к появлению предлагаемой категории экологического права будет не быстрым, поскольку и в США прошло почти 50 лет с начала дискуссий о статусе участков дикой природы, прежде чем эта не совсем обычная правовая конструкция получила поддержку большинства в Конгрессе США. Однако, если российское общество заинтересовано в создании дополнительных гарантий охраны окружающей среды, эти дискуссии неизбежны. В настоящий момент экологическое право РФ использует лишь категорию «естественные экологические системы», однако «дикая природа» — это совокупность естественных экологических систем, управленческая категория, позволяющая принимать меры по охране таких экосистем, не связанных друг с другом и расположенных в разных местах. Принятие на региональном уровне норм, содержащих ограничения и запреты, обусловленные местной спецификой, могло бы сделать этот режим охраны эффективным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства РФ от 28.05.2003 № 304 (ред. от 09.01.2009) «Об утверждении Правил использования безвозмездно изъятых или конфискованных диких животных и растений, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.07.2017) свободный.

2. Прохоров В. Г. Контрабанда образцов дикой природы: способы совершения преступлений и специальное хранилище // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 6. С. 168.
3. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц (Рамсар, 02.02.1971) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М. : Международные отношения, 1991. С. 191–199.
4. Анисимов А. П., Чаркин С. А. Правовой режим территорий с особым эколого-правовым статусом и проблемы его совершенствования // Agrarian and land law. 2013. No. 3. P. 4–9.
5. Иванов Д. В., Григорьян Б. Р., Бойко В. А., Баршева К. В., Марасов А. А. О правовом статусе островов водохранилищ Российской Федерации // Экологическое право. 2007. № 3. С. 34.
6. Фаткуллина Д. Ф. Правовой режим земель природоохранного назначения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 100–104.
7. Судаков А. В., Новицкий С. Л., Монилов С. Н. Волжские острова в границах г. Волгограда: природные условия и хозяйственно-рекреационный потенциал // Псковский региональный журнал. 2015. № 22. С. 20–23.
8. Voicu M. At a dead end: the need for Congressional direction in the roadless area management debate // Ecology Law Quarterly. 2010. Vol. 37. P. 487–497.
9. Appel P. A. Wilderness, the courts, and the effect of politics on judicial decision making // Harvard Environmental Law Review. 2011. Vol. 35. P. 292–293.
10. Kammer S. Coming to terms with wilderness: the wilderness act and the problem of wildlife restoration // Environmental Law. 2013. Vol. 43. P. 84–109.
11. Leshy J. D. Legal wilderness: its past and some speculations on its future // Environmental Law. 2014. Vol. 44. P. 613–614.
12. Nylen N. G., Long E., Loum M., Welles H., Carlin D., Cook B., Adams S. Will the Wilderness Act be diluted in Drakes Estero? // Ecology Law Currents. 2012. Vol. 39. P. 54.
13. Blumm M. C. Studying Environmental law: a brief overview and readings for a seminar // J. Energy, Nat. Resources & Envtl. L. 1992. Vol. 12. P. 322.
14. Куликов А., Смолякова Т. Продается остров // Российская газета. 2009. 13 авг.

REFERENCES

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 304 dated 28.05.2003 (as amended on 09.01.2009) «On Approval of the Rules of the Use of Gratuitously Seized or Confiscated Wild Animals and Plants, Their Parts or Derivatives subject to the Convention on the International Trade of Endangered Species of Wild Fauna and Flora, dated March 3, 1973» [Electronic resource]. Free access from RLS «ConsultantPlus» (date of viewing: 31.07.2017).
2. Prokhorov V. G. Smuggling of samples of the wild nature: ways of committing crimes and special storage // Current problems of humanitarian and natural sciences. 2009. No. 6. P. 168.
3. The convention on the wetlands having the international value, mainly as a habitat of waterfowl (Ramsar, 02.02.1971) // The set of regulations of UNESCO. M. : International relations, 1991. P. 191–199.
4. Anisimov A. P., Charkin S. A. Legal regime of the territories of special ecological-legal status and the issues of its improvement // Agrarian and land law. 2013. No. 3. P. 4–9.
5. Ivanov D. V., Grigoryan B. R., Boyko V. A., Barsheva K. V., Marasov A. A. On the legal status of islands of the water reservoirs of the Russian Federation // Ecological law. 2007. No. 3. P. 34.
6. Fatkullina D. F. Legal regime of the lands of the nature protection purpose: thesis of the candidate of law. M., 2006. P. 100–104.
7. Sudakov A. V., Novitsky S. L., Monikov S. N. The Volga islands within the borders of Volgograd: environment, economic and recreational potential // Pskov regional magazine. 2015. No. 22. P. 20–23.
8. Voicu M. At a dead end: the need for Congressional direction in the roadless area management debate // Ecology Law Quarterly. 2010. Vol. 37. P. 487–497.
9. Appel P. A. Wilderness, the courts, and the effect of politics on judicial decision making // Harvard Environmental Law Review. 2011. Vol. 35. P. 292–293.
10. Kammer S. Coming to terms with wilderness: the wilderness act and the problem of wildlife restoration // Environmental Law. 2013. Vol. 43. P. 84–109.
11. Leshy J. D. Legal wilderness: its past and some speculations on its future // Environmental Law. 2014. Vol. 44. P. 613–614.
12. Nylen N. G., Long E., Loum M., Welles H., Carlin D., Cook B., Adams S. Will the Wilderness Act be diluted in Drakes Estero? // Ecology Law Currents. 2012. Vol. 39. P. 54.
13. Blumm M. C. Studying Environmental law: a brief overview and readings for a seminar // J. Energy, Nat. Resources & Envtl. L. 1992. Vol. 12. P. 322.
14. Kulikov A., Smolyakova T. Island is being sold // Russian newspaper. 2009. 13 August.

Как цитировать статью: Анисимов А. П. «Дикая природа» как правовая категория: дискуссионные вопросы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 3 (40). С. 126–130.

For citation: Anisimov A. P. «Wild nature» as a legal category: issues for discussion // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 3 (40). P. 126–130.